

356). Примеры можно множить, но главное, что вариантов такого рода "неопределенностей" наверное столько же, сколько трудностей в обработке каждой группы топонимов, соотносимых с конкретным объектом. Состояние же подобной группы, в свою очередь, определяется состоянием источников.

Уже на этом примере (касающемся только композиции титула леммы) видно, какую гигантскую исследовательскую работу проделал Сусталь, если учесть, что материал, приводимый в каждой лемме и анализируемый в ней, варьируется от трех-четырёх строк (см., например, "Iskrica" или "Kutson" — с. 399-404) до нескольких страниц ("Adrianupolis" — с. 161-167, "Philippopolis" — с. 399-404). К тому же многие пункты известны лишь по нарративным источникам и не могут быть локализованы, как, например, Гетринас (с. 267), Алексадрополь (с. 174), Анагон (с. 175). С другой стороны, во Фракии сохранилось много городищ, названия которых давно утрачены. В этих случаях Сусталь локализирует их относительно современных населенных пунктов, как, например, Бистреч-Биук-Бинар, Ботево, Бранеполе, Цар Асен (см. с. 207, 217, 218, 227).

Как и другие выпуски серии ТИВ, книга Сусталья содержит как бы два уровня библиографии. Первый — это основные работы,

список которых помещен в начале тома. Второй — работы, посвященные какому-либо вопросу, имеющему отношение к конкретному историко-географическому объекту (тогда работа указана в примечании к лемме) или вопросу, составляющему содержание какого-то очерка, расположенного перед Lemmata. Общая библиография очень внушительна, но сам исследователь не всегда обращается к перечисленным в ней работам. Так, в списке фигурирует работа Г.Г. Литаврина "Болгария и Византия в X—XII вв. М., 1960", тогда как в дальнейшем ссылок на нее нет.

К тому приложены две карты: Фракия в составе Болгарии, Греции и Турции; византийские памятники на территории Фракии. Судя по картам, в настоящее время в наибольшей степени изучена болгарская часть Фракии, тогда как турецкая и греческая части страны исследованы мало.

Для работы коллектива ТИВ в целом и трудов Сусталья в частности показательно возрастание объема выпускаемых ими томов. Излишне повторять, что вся эта серия является для историко-географических штудий вообще изданием эталонным, и рассмотренная нами книга лишь подтверждает данную точку зрения.

А.С. Козлов, В.П. Степаненко

Laiou A.E. *Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe—XIIIe siècles*. [Travaux et Mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France. Monographies 7]. P.: De Boccard, 1992. 209 p.

В новой работе известной исследовательницы А. Лайу семья рассматривается не как автономная биологическая единица, предназначенная для воспроизводства рода человеческого, а как социальный феномен, институт, создающий новые социальные группы и обеспечивающий социальную и политическую консолидацию различных слоев общества, в первую очередь господствующего класса. Автор подчеркивает, что родственные связи, возникавшие в результате нового брачного союза, задевали, как правило, интересы семей родственников новой супружеской четы, а когда речь шла об аристократии, — всего этого класса в целом (с. 9). Именно поэтому государство и церковь стремились контролировать матримониальные связи и именно поэтому матримониальная политика различных слоев византийского общества, особенно знати, попытки церкви и государства оказать давление на эту политику, а также стремление аристократии оказывать активное противодействие законодательным властям находится в центре внимания этой столь важной и интересной,

работы А. Лайу. Исследовательницу интересуют не столько способы приспособления византийцев к правовым нормам, касающимся брака, сколько противоречия между этими нормами и реальной действительностью.

Хронологические рамки работы — XI—XIII вв., однако отродно отметить, что она написана с учетом предшествующей и последующей эволюции брачных отношений в Византии, так что она имеет важное значение для изучения матримониальных связей в Византии вообще.

Источниковая база монографии необычайно широка. Это — законодательные памятники и сочинения юридического характера, постановления церковных соборов, данные сигиллографии, нарративные и агнографические памятники, письма, литература и т. д.

Книга состоит из введения, пяти глав, библиографии и индекса.

Глава I "Контроль над браком: аристократия и кровосмешение" (с. 21—66) посвящена изучению выработки новых правовых норм в отношении брачных союзов в XI—XII вв.

и сложной игре, ставкой в которой была разветвленная сеть родственных связей, между знатью, церковью и государством. Матримониальная политика аристократии, отмечено в работе, находила свое проявление, во-первых, в ранних браках; во-вторых, в расторжении семейных уз, утративших свою полезность; в-третьих, в эндогамии, т. е. сети брачных союзов, заключавшихся между представителями одних и тех же семей, в результате чего аристократии удалось найти мощное орудие для расширения и укрепления своей политической власти (с. 21—23).

Именно поэтому с XI в. законодательные власти, как показано в монографии, проявляют особый интерес к самому акту бракосочетания и расширению системы запретов на заключение брака под предлогом кровосмешения. Новатором здесь выступает церковь, законодательные функции которой со временем заметно увеличиваются. Как событие особой важности рассматривается в работе издание в 997 г. "Тома" патриарха Сисиния, запрещающего заключение брака между родственниками в четвертом колене (с. 13—15). Поскольку же создание системы родства играло особую значимость для знати, краеугольным камнем политики церкви по отношению к браку стало ее стремление ограничить именно эту сторону матримониальной стратегии аристократии (с. 29). Этими факторами объясняет исследовательница интерес самих византийцев к проблеме родства и кровосмешения (с. 47—50), а также горячую полемику относительно легитимности брака между родственниками в седьмом колене (с. 29—58).

Проанализировав имеющиеся в ее распоряжении данные источников и сделав статистическую обработку материалов касательно бракоразводных процессов, итоги которой представлены в таблице на страницах 59—66, А. Лайу пришла к любопытному выводу, суть которого сводится к следующему: в XI в. матримониальные отношения находились под контролем аристократии, которая использовала в своих интересах (для расторжения ставших неугодными брачных союзов) даже запреты церкви на заключение браков по причине кровосмешения (с. 30—31); с конца XI и в XII в. контрольную функцию в области семейных уз берет на себя государство, деятельность которого отличается двойственностью: с одной стороны, будучи связан родственными узами с аристократией, император осуществляет на практике ту же политику, что и знать, с другой стороны, олицетворяя самое государство, глава империи в своей законодательной политике солидаризируется с церковью, укрепляя тем самым ее позиции; XIII век становится свидетелем возрастания роли церкви в матримониальной сфере, между тем

как значение государственной власти в этой области заметно падает (с. 58). Это заключение автора представляется особенно важным, если учесть ставшую уже традиционной точку зрения относительно особой роли государства в Византии и подчиненного положения по отношению к нему церкви.

В главах II и III ("Влечение, любовь и страсть сексуальные отношения в представлении византийцев" (с. 67—89) и "Единая плоть: отношения между супругами в XI—XII вв." (с. 91—111) А. Лайу поставила целью рассмотреть, как реализовывали себя в браке секс и любовь. Отметив, что согласие на брак жениха и невесты и, соответственно, любовь предполагались естественной предпосылкой для создания семьи, исследовательница, вместе с тем, приходит к убедительному выводу, что в реальной практике и в представлениях византийцев не они служили основным критерием для создания и существования нормального брака. Заключаемый при согласии родителей молодоженов (более необходимым, чем согласие самих брачующихся) семейный союз считался счастливым, если жених и невеста подходили друг другу по своему происхождению и физической красоте (каноны которой были различны для мужчин и женщин), а также если их союз способен был увенчаться появлением на свет множества детей. Мужчине, кроме того, подобало быть храбрым и мужественным, а женщине — добродетельной (с. 91—97).

В самой семейной жизни большее значение придавалось привязанности супругов друг к другу, сердечному согласию (при подчиненности жены мужу), нежели любви (с. 97—100), особенно любви страстной, которая рассматривалась скорее как негативное явление, присущее более адольтеру, нежели законному браку. Более того, страсть в представлении византийцев, показано в монографии, была сродни отклонению от нормальных отношений между полами, своего рода дьявольским наваждением (с. 80—84, 102—111).

Дилемма брак и любовь, считает А. Лайу, поднималась лишь в литературе, и счастливое сочетание любви и брака являлось ни чем иным, как плодом фантазии поэтов и писателей. Контроль над браком осуществлялся очень строго, а страстная любовь была, по канонам византийского общества, чем-то беспокойным, опасным, причем не столько с точки зрения спасения души, сколько с точки зрения сохранения социального порядка (с. 111).

Сексуальное влечение признавалось византийцами как вполне естественное явление, но только в том случае, если оно реализовывало себя в браке, поддавалось контролю и не переходило известных границ (с. 68—70). Отклонения от нормальной супружеской жизни, были, по представлению византийцев, двух

видов: естественные (развращенность и адюльтер) (с. 71—74) и неестественные, т. е. относящиеся к разряду сексуальных извращений (гомосексуализм, общение с животными и т. д.) (с. 71, 74—80). Автор тонко подмечает, что ни известная распущенность нравов, особенно характерная для верхушки византийского общества XII в., ни сексуальные предпочтения, противные природе, не были предметом особого осуждения византийцев. То, что действительно их заботило — это строгость, проявляемая при заключении брака, ибо только это гарантировало соблюдение существующего социального порядка, в частности имущественных прав законных наследников (с. 88—89).

В главе IV "Брак и постриг" (с. 113—136) рассматривается проблема пострижения в сан одного из супругов (чаще всего женщин) как формы расторжения брака. Особенности матримонимальных отношений в XI—XIII вв. сказались, по мнению А. Лайу, и в этой сфере, ибо в эту эпоху принудительное пострижение в сан или заключение в монастырь являлось одним из проявлений матримонимальной стратегии, позволявшей осуществлять контроль над брачными союзами (с. 129).

Глава V "Родство и имущество" (с. 137—185) посвящена проблеме наследования семейной собственности. Автор показывает здесь, что в Византии круг наследников пытались сузить, ограничив его в большинстве случаев правами родственников в четвертом колене (подобно

тому, как патриарх Сисинний рассматривал легитимность брачного союза). Вместе с тем известны случаи, когда права наследования распространялись и на более дальних родственников вплоть до седьмого колена. Иными словами, подчеркивает исследовательница, матримонимальная стратегия знати и право наследования находились в очень тесной связи. Политика заключения нескольких браков между представителями одних и тех же семей приводила к укреплению не только социально-политического статуса, но и экономического положения отдельных аристократических кланов, против чего и была направлена деятельность церкви, стремившейся запретить браки между родственниками вплоть до седьмого колена (с. 170—171).

Нельзя не отметить высокую научную значимость содержащихся в приложении к этой главе монографии (с. 172—185) новых публикаций А. Лайу 81 и 84-го постановлений Димитрия Хоматяна, а также ее издания Комментария к Новелле Романа Лакапина о праве первенства при покупке, находящегося в кодексе Paris. Gr. 1355.

Свободное владение материалом источников и литературы вопроса в сочетании с оригинальностью подхода к теме и своеобразием метода исследования помогло создать А. Лайу труд, который, несомненно, явится важным вкладом в изучение проблемы семьи и собственности в Византии.

А.А. Чекалова

Иева А. Frankish Morea. (1205-1262). Socio-cultural Interaction between the Franks and the Local Population. Athens: Historical Publications S.D.Basilopoulos, 1991. 309 pp.

История крестовых походов вот уже два столетия привлекает внимание исследователей. Деяния крестоносцев вдохновляли многих средневековых хронистов, философов, поэтов. Удивительным магнетизмом эта эпоха наполнена и поныне. И по сей день исследователи продолжают обращаться к истории крестовых походов и открывать все новые ее стороны. Несмотря на то, что историография крестовых походов весьма обширна, эта тема отнюдь не исчерпана. Первостепенная задача современных исследователей — изучение государств, созданных крестоносцами на Востоке, их места и роли в самобытной и совершенно непохожей на европейскую обстановке Ближнего Востока и Византии. Так или иначе крестоносцы оставили большой след на византийской земле и многое принесли оттуда в Европу. Может быть поэтому история

крестовых походов, овеянная романтическими легендами и воспетая трубадурами, открывающая по сути новую эпоху в истории самой Европы, столь привлекательна и для современного человека.

В этой связи примечательно появление монографии болгарской исследовательницы А. Илиевой "Франкская Морей: социо-культурное взаимодействие между франками и местным населением", в которой изучается история одного из основных государств крестоносцев — Морейского княжества в 1205—1262 гг. Хронологически исследование охватывает период от начала истории государства (осень 1204 г.) до момента возвращения на Пелопоннес византийцев (1262 г.), а не всю историю Морейского княжества (1204—1432). Именно к середине XIII в. Морейское государство достигло зенита своего развития. Существование на